КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

№ 12

МОСКВА, МАРТ 1927 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 15 коп.

29

Рис. К. Елисеева

БЛАГОУСТРОЕННАЯ СЕМЕЙКА

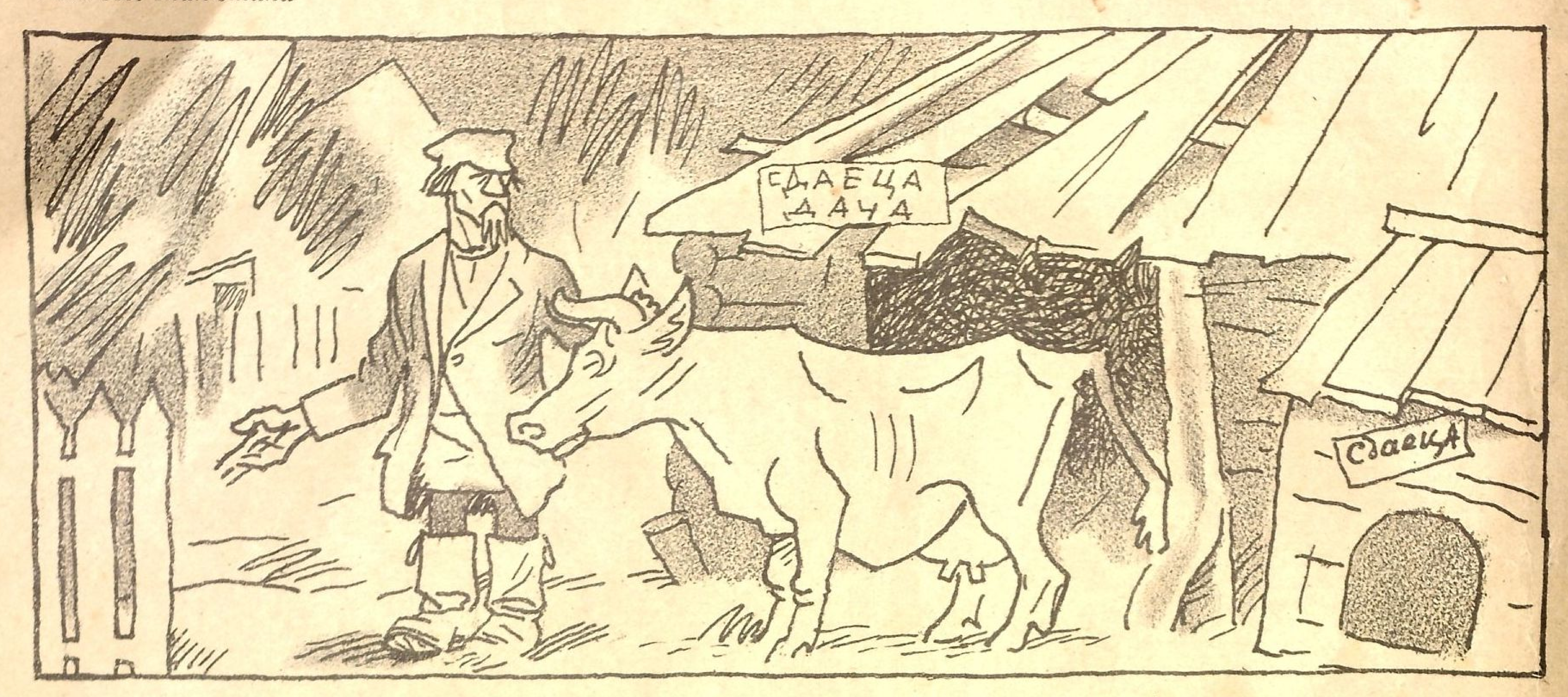

— Слушай, Петя! Это же безобразие, — все мы устроены, все служим, — и только Ванечку одного ты не можешь устроить.

— А вот погоди, на днях у нас организуется комиссия по борьбе с кумовством — тогда я назначу туда Ванечку председателем.

СЕЗОННОЕ МУЧЕНЬЕ

Рис. Ив. Малютина

С НЕЖНОЙ ЛЮБОВЬЮ

тресту дачного хозяйства рисунок этот посвящается.

ТОЧНЫЕ ЦИФРЫ

Директор фабрики «Красный Челнок» нервно покусывал ус и барабанил пальцами по-столу в ожидании главного бухгалтера.

Бухгалтер вошел в кабинет, толстый, благодушный и улыбчивый как всегда, весело поблескивая маленькими, заплывшими глазками.

— Изволили звать, Алексей Петрович?

— Да! Садитесь. Важное дело.

Бухгалтерское благодушие было сегодня неприятно директору, и, сурово нахмурив брови, он повторил:

— Очень важное и неприятное дело... Видите ли, трест запрашивает у нас точные данные о том, что нами сделано за прошедший квартал в смысле режима экономии... Я им там посылал доклад... понимаете... ну, доклад, как доклад! А они требуют цифры. Точные цифры.

Бухгалтер молчал и улыбался. Улыбка эта бесила директора.

— Право, тут нет ничего смешного, Антон Антоныч! От нас требуют точные цифры, и мы должны их дать. Потрудитесь приготовить.

— Тут и трудиться нечего, Алексей Петрович.

— То-есть как?

— А так. Очень просто. Я вам могу в любой момент дать самую точную цифру экономии за прошлый квартал.

И, взявши бумажку, бухгалтер быстро и спокойно нарисовал на ней жирный ноль.

— Вот-с... Пожалуйста!

Директор вспыхнул и закусил губу. Ему хотелось обругать бухгалтера, но он знал, что бухгалтер прав, что без его помощи не обойдешься — и сдержался.

— Неужели нельзя ничего придумать? Ведь это же позор! У меня в докладе говорилось совсем другое! Как хотите. Антон Антоныч— к среде у меня должны быть цифры!

Бухгалтер молчал. И директор вдруг оставил свою резкость и суровость. Лицо его стало беспомощным и умоляющим, на губах заиграла заискивающая улыбка. Он встал, подошел к бухгалтеру и положил ему руку на плечо:

— Антон Антоныч! Будь другом! Я не знаю всяких там твоих хитростей, но знаю, что ты можешь мне устроить. К среде. Хорошо? А? Ведь это и в твоих интересах тоже.

Бухгалтер, казалось, только этого и ждал. Он встал, весело подмигнул директору и заколыхался своей жирной фигурой.

— Вот это я понимаю! Вот это настоящие человеческие слова! А то — «потрудитесь приготовить!». Сделаю, Алексей Петрович! Для тебя сделаю! Такую цифру выведем, что пальчики оближешь. Только уж насчет там сверхурочных... и прочего такого... чтобы без отказа. А то я тебя знаю... Хе-хе. К среде?

— Да.

— Будет сделано!

И когда бухгалтер вышел, директор облегченно вздохнул.

— Уф! Вот ведь знаю, что он подлец первой марки,—а в нужную минуту — незаменим. Всегда выручит. Толст — но тонок! Посмотрим, что он там накрутит

*

В среду утром директор заперся в кабинете с бухгалтером, чтобы просмотреть приготовленный отчет.

Прежде всего он глянул на итог.

— Итого за прошедший квартал получено экономии на 47.583 рубля.

Директор даже свистнул.

— Фью! Вот так цифрочка! Это даже вдвое больше того, что я обещал в докладе. Вы что-то переборщили, Антон Антоныч! Откуда все это набралось?

— Все — как полагается. Комар носу не подточит!

И бухгалтер залился тихим благодушным смешком. На этот раз бухгалтерский смешок даже понравился директору.

— Но откуда все это?

— А вот-с. Сейчас я вам все по порядочку. Во-первых, — экономия на зарплате. Еще в прошлом году мы сократили 3-х конторщиц, артельщика и семерых охранников. Это в месяц выходит 846 рубликов. Если бы они у нас работали в этом квартале, мы должны были бы им уплатить 2.538 рублей, как копеечку. А они у нас не работали. Это что значит? Это значит — экономия. Так?

— Т-так...

— Теперь такая штука. Нами были починены и пущены в ход 4 старых станка, которые дают ежемесячно продукции на 3.000 рублей. А в три месяца — 12 тысченок. Ежели бы мы станки эти не починили — получили бы мы эти денежки? Нет! А это что значит? Это значит — экономия! Так?

— Т-та-а-к...

— Пойдем дальше. Из красильного отделения у нас было переведено 53 работницы. Правда, они остались у нас на фабрике. Но ведь в красильном-то их нет? Нет! По красильному-то им денег мы не платим? Не платим. Значит — опять экономия! Ну, — и дальше там все в том же роде. Цифры — самые правильные. По всем книгам можно справиться!

Директор смущенно потер лоб. На секунду в душе у него закопошился неприятный червячок.

— Как же так? Из нуля—и вдруг сорок семь тысяч? Не много ли?

Но потом он махнул рукой.

— Э! Что там! Другие еще больше пишут! Чем мы хуже других?

И бережно сложив отчет, он сунул его в боковой карман и, не глядя, подписал счет на сверхурочные работы, деловито подсунутый ему бухгалтером.

Вас. Лебедев-Кумач.

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО

Некий хитроумный госторговец, получив предписание снизить цены к 1-му июля, запротестовал:

— Помилуйте-с! Зачем же-с к 1-му июля? Да я готов-с снизить их гораздо скорее! Ходатайствую о сокращении срока: дозвольте снизить цены не 1-го июля, а 1-го апреля.

Ходатайство это, однако, уважено не было, ибо мудрая поговорка нас учит—«лучше поздно, чем никогда».

ОСИРОТЕЛЫЕ

Знаете ли вы, читатель дорогой, что такое — тоска?! То-есть такое состояние, когда всякая работа валится из рук, сосет под ложечкой, под сердце подкатывает и тошнит под коленками?!

Вот такое именно состояние переживаем мы, сотрудники нашего учреждения, с того дня, когда сняли дорогого и незабвенного Павла Егоровича с заведывания нами и вверили ему другое учреждение, нас же еще никому не вверили, и ходим мы, извините, как овцы без пастыря.

Не сказал бы я, конечно, что чрезмерно обожали мы Павла Егоровича, — особенно про себя скажу: ногами на меня топали Павел Егорович неоднократно и даже намекали на сокращение штатов. И со многими нашими сослуживцами через него неприятности получались, но...

— Начальство — всегда начальство! — как говорит наш бухгалтер.

Теперь войдите и в наше положение. Второй день — без никому живем и представления не имеем, кому именно нас вверят, и какой он будет тот самый, кому мы будем вверены? И валится работа из рук.

Может быть, кого и из наших же назначат. Время теперь демократическое, и дознаться немыслимо, кого же могут? Вот и попрыгай тут! К тебе Иван Степанович за спичкой, а ты вдруг сневежничаешь да и дашь ему прямо коробку вместо того, чтобы зажечь и подержать, пока он закурит. А тут — бац! Его и назначили, ему и вверили! Он и припомнит, как ты это самое...

Или хуже еще: в догадках своих погонишься за тем, чтобы угодить Ивану Степановичу, и спичку подержишь перед ним, пока пальцы не припечешь, а тот самый Петр Евстигнеевич, с которым в ссоре Иван Степанович, получит назначение и припомнит:

— Вы, мол, с Иваном Степановичем в дружеских, кажется, отношениях?!

Вот тут и попрыгай, говорю, хоть и не до прыжков нам всем теперь...

С посетителями тоже неопределенность. Покойный, то бишь снятый, Павел Егорович требовал, чтобы посетитель в каждом нашем служащем государственную власть ощущал и чувствовал перед служащими трепет. Ну, и гнули мы линию на посетительское терпение.

— Что-с?! Потрудитесь обождать!! Как-с?! Гражданин, вы не в трактире, — потрудитесь не курить!!! Чего-с?! Вам русским языком сказано — обождать! и не беспокойте занятого человека!!!

Линия, конечно, на все сто процентов легкая и внушительная. Но... Теперь-то как же быть?! Первое, что эта самая линия может новому начальству не понравиться. А второе, и то сказать: он посетитель, как посетитель! Рыкнешь на него,—он и присмиреет. А потом вдруг окажется, что и не посетитель он вовсе, а новое начальство, пришел осведомиться, что и как?! Вот те и линия!!!

Дела возьмем — и там та же история. Павел Егорович предпочитал одно решение, а, может быть, начальству новому понравится, чтобы иначе оно решалось! Правда, с делами-то попроще выходит, — не решаем и вся тут:

— Зайдите на-днях, гражданин...

И тут, конечно, напороться можно: а вдруг новое начальство требует, чтобы сразу все решалось и без волокиты?!

Вот и трясутся руки, и под ложечкой сосет, под сердце подкатывает, и под коленками тошнота.

Заходил я в местком наш справиться, что и как? Так там вовсе на меня руками замахали.

— Не впутывайте,—говорят,—нас в это дело! Сами трясемся,—как новое начальство к нам отнесется?!?

— Да вы,—говорю,—на особом положении,—и месяца нет, как выбраны: пять еще спокойно и без сокращений проживете!!!

— А на шестой в безработные итти прикажете?!.

Вижу, действительно, хоть и в месткоме, а тоже люди-человеки, пожалеть надо. К тому же и новое начальство может прознать, — ходил, дескать, в местком — уж не жаловаться ли?! Не конфликтовать ли из-за сверхурочных?!

Так и идет у нас полный разлад в учреждении: кто с посетителем чуть-ли не за ручку здоровается, присесть даже предлагает и справку сразу выдает, кто — львом рычит на того же посетителя и указывает на дощечку с надписью: «приема нет», кто вообще молчит... И промежду служащими—полная неразбериха: одни Ивану Степановичу услуживают всячески, другие к Павлу Евстигнеевичу подольщаются, а счетовод Макаров, так тот ко всем ластится:

— Неисповедимы, дескать, пути господни!!!

Сейчас, когда дописываю эти свои горестные заметы сердца, конец занятий подходит, а с ним—новая загадка бытия.

Павел Егорович через пять минут после окончания занятий любил легким шажком своим пробежать по учреждению и видеть, кто и как себя держит в этом случае. Не любил он, чтобы домой торопились... Любезным ему был тот служащий, который, не торопясь, доделывал свое дело, аккуратно складывал письменные принадлежности и еще после этого благодушно потягивался на стуле, — некуда, дескать, торопиться...

А вот в соседнем учреждении, так там начальство требует, чтобы все дела были сделаны в служебное время, и никаких задержек, иначе за лодыря почитает...

Кто ж его знает, как наше новое начальство в данном случае поступать будет?!

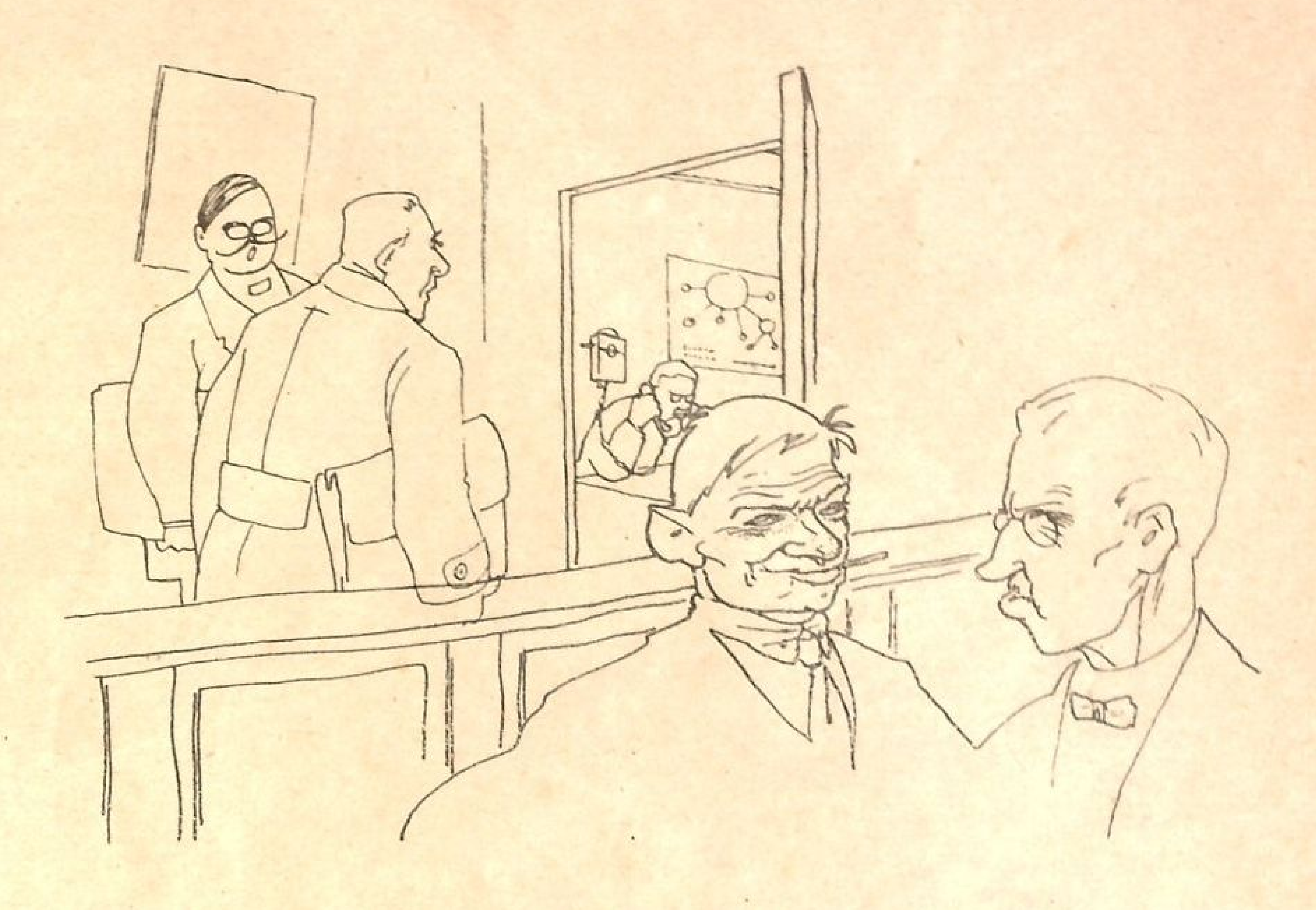
От того и тоска, дорогие читатели, от того и сосет под ложечкой, подкатывает под сердце и тошнит под коленками. От того и руки дрожат...

Вл. Павлов.

„МЕТАЛЛИСТЫ"

Рис. К. Елисеева

Руководитель одного из торгующих металлами учреждений назначил инспектором—зубного врача, а старшим над ним — врача венеролога—своих родственников.

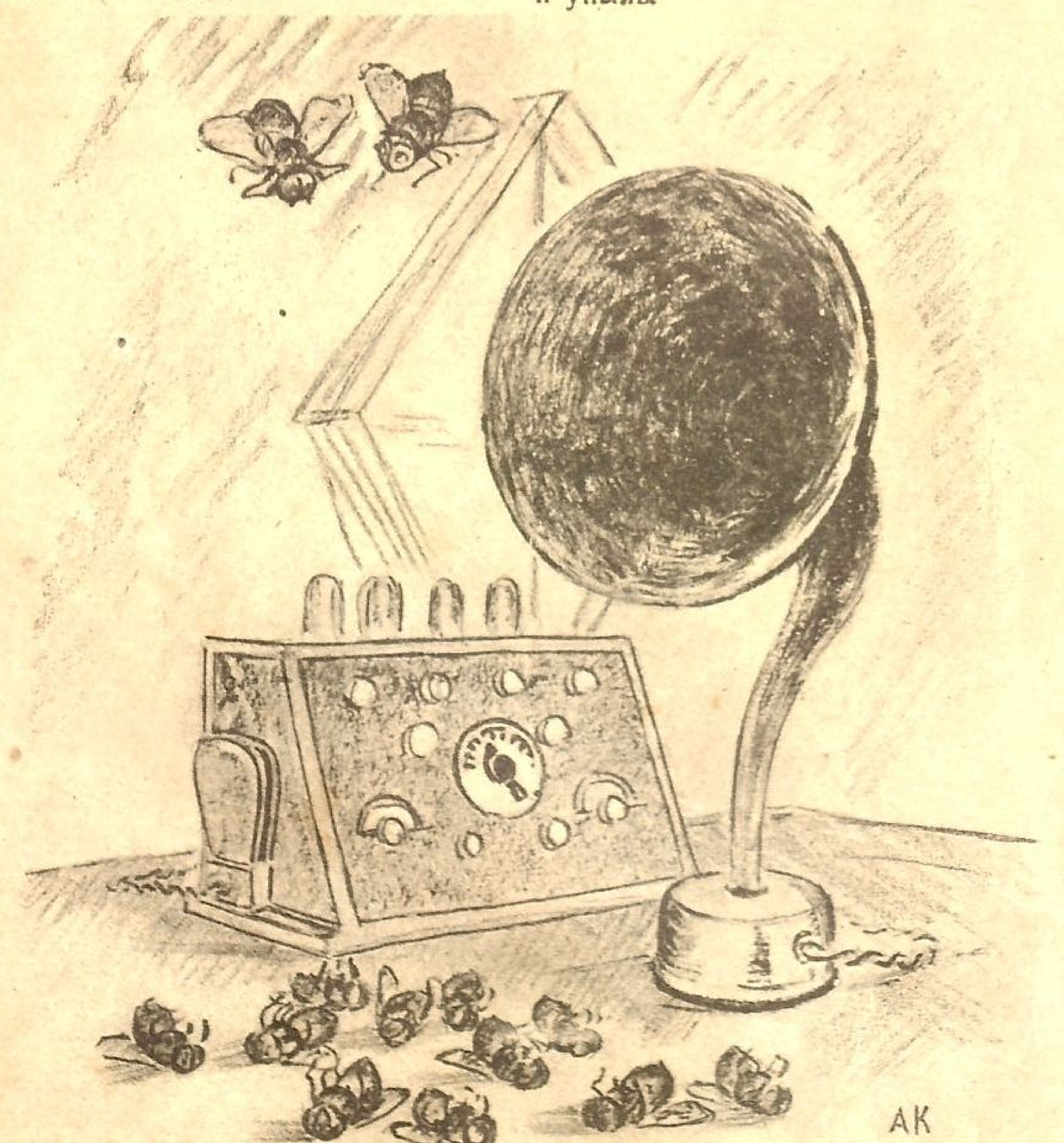
— Что это наши инспектора никак не могут договориться насчет меди?

— А они на все смотрят с разных точек зрения, потому—специальность у них разная.

ГДЕ ОНИ ДОХНУТ

Рис. А. Кикина

Музыкальные программы радиопередач до сих пор нередко скучны и унылы

I МУХА:—Куда ты летишь? Около этого аппарата—сдохнуть можно!

II МУХА:—Я разочаровалась в радио-передаче и хочу покончить жизнь самоубийством. Верное средство!

КРЕПКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Пей, Васютка! Не отставай!
— Да мне, папанька, завтра в училище итти!
— Ничего! Мне тоже завтра на завод надо. Вот вместе и не пойдем.

СИСТЕМА ИЛЬИ ВОЛКОВА

В Краснобездарном мой друг Илья Волков заведует отделением фарфортреста. С ним мы вместе когда-то в доме отдыха совторгслужащих страдали месяц. Там познакомились, там и подружились. Теперь вам будет понятно, почему, когда я очутился в Краснобездарном, я первым долгом поскакал к Илюшке в фарфоротрест.

— Здорово!

— А-а!

И поцеловались.

— Посиди здесь,—говорит он мне,—до окончания занятий, а потом айда ко мне домой, там наговоримся вдоволь.

Сел я в уголочек на кожаный диван под портретом Калинина, вытащил из кармана газетку свежую и читаю. А Илья, не обращая на меня никакого внимания, нажал кнопку и вошедшей курьерше приказал:

— Пришлите начканца на подпись!

Через минут десять вошел и начканц с грудой бумаг под-мышкой.

— Все в порядке? Опять от вас невозможно луком несет,—прокричал, брезгливо морщась, Илья.

— Как вам известно, у меня всегда все в порядке. В отношении лука не ваше дело,—прошипел начканц.

— Ну, вы не особенно тут разоряйтесь. Не забывайте, где вы!—прохрипел Волков и стал подписывать бумаги.

Начканц с грохотом и, как мне показалось, демонстративно сел на стул, закурил и осматривал Волкова с такой ненавистью, что, казалось, сейчас хватит чернильницей по затылку своего начальника.

— Можете итти!—крикнул ему Илья, вручая кипу подписанных бумаг,—да смотрите, чтоб у меня все было в порядке.

— Лучше о себе беспокойтесь,—ответил грубо начканц и хлопнул дверью.

Мне стало неловко за моего друга, и я глубже уткнулся в газету. В кабинет вошел бухгалтер.

— Ну, как, морская крыса, цифры мне приготовлены? Или нет, чорт возьми!—крикнул с новой яростью Илья на бедного бухгалтера.

— Так точно, товарищ Волков! Есть! Вот я их принес, товарищ заведующий!

— Ступайте, приходите через полчаса...

В комнату вошла машинистка и нежно пропищала:

— Вот ваш напечатанный доклад.

— А сколько раз я вам говорил, чтобы вы без телефонного звонка ко мне не врывались? Что за расхлябанность! Оставьте мой кабинет!

После машинистки приходил кассир, потом какой-то делопроизводитель, потом предместкома—и со всеми Илья Волков был невозможно груб. При этом одни с ним так же, как и он, разговаривали резко и озлобленно, а другие спокойно выслушивали окрик начальника так, как будто их это и не касалось. А когда кончились занятия, Илья обратился ко мне с той же приветливой улыбкой, какой меня встретил.

— А теперь пойдем ко мне обедать.

И я был удивлен и поражен, когда за обеденным столом я встретил мирно сидящего начканца, с которым так грубо разговаривал на службе Илья, и та машинистка, которую Волков выгнал из своего кабинета, мирно разливала суп. Я расспрашивать не стал. Но когда вечером ввалились бухгалтер, кассир и предместкома, и когда вся эта дружная компания, во главе с заведующим, весело играла в подкидного, я сгорал от любопытства.

— Расскажи, в чем дело?

— Что?

— Да вот не понимаю—ругань на службе и такая дружба сейчас...

— А, ты вот про что! Это наша система, секрет изобретателя. Но тебе расскажу. Сам знаешь—сейчас ведется борьба с кумовством на службе. Вот, чтоб, значит, не подумали, что начканц мой брат, мы с ним и грыземся, то же самое приходится проделывать с моей женой—старшей машинисткой. То же скажу и про остальных. Одним из них разрешено огрызаться, другие должны молча терпеть... Так-то она жизнь, батенька. Думаешь легко на свою собственную супружницу ногами топать и выслушивать резкости от начканца—паршивого дяди!

Б. Левин.

ОБМЕН

Иван Петрович—директор мануфактурный, Иван Сергеевич—директор чайный.

Если вам нужно в правление чайное—пожалуйте: дверочка направо, если у вас необходимость к правлению мануфактурному—тут же дверочка налево.

Выходит Иван Петрович после трудового заседания, в этот момент выходит Иван Сергеевич тоже после трудового заседания. Подняли глаза и—улыбки вьюном.

— Здравствуйте, Иван Сергеевич.

— Мое почтение, Иван Петрович.

— Как поживаете, кхи-кхе?

— Вашими молитвами, кха-кха.

Улыбки вьюном, и ступают в приятном расположении чувств, под ручку, по лестнице вниз...

Выходит однажды Иван Сергеевич, выходит также Иван Петрович.

Улыбочки... где они?

— Здравствуйте, Иван Сергеевич.

— Мое почтение, Иван Петрович.

— Тэк-с!

— Эдак-с!

— И до вас дошло?

— Э-эх, и до меня докатилось.

— А у вас много своих?

— О-ох, у меня вся родня. Васька—женин племянник—еще приехал, надеялся и его воткнуть, а тут—извольте-ка!

— Н-да, неприятно.

— Прямо убийственно.

Вдруг светлеет мануфактурный, светлеет... ну, вот и улыбочка:

— А ведь это пара пустяков, Иван Сергеевич.

— Да нуте?!

— Я вам говорю. Только—обмен. Вы своих—мне. Я своих—вам. Племянничка Агнии Петровны, так и быть уж, давайте. Всуну.

— Кхи-кхе!

— Кха-кха!

Оба в приятном расположении чувств, под ручку, вниз по лестнице зашагали.

⁂

Бежит машинистка Ниночка, догоняет ее машинистка Варенька. Спутались в дверях, рассыпали смешком бисерным:

— Ах, я забыла, что мне теперь направо!

— Ах, я забыла, что мне теперь налево!

И звончей колокольчиков смеха раскатилось:

— Дядюшки нас перепутали.

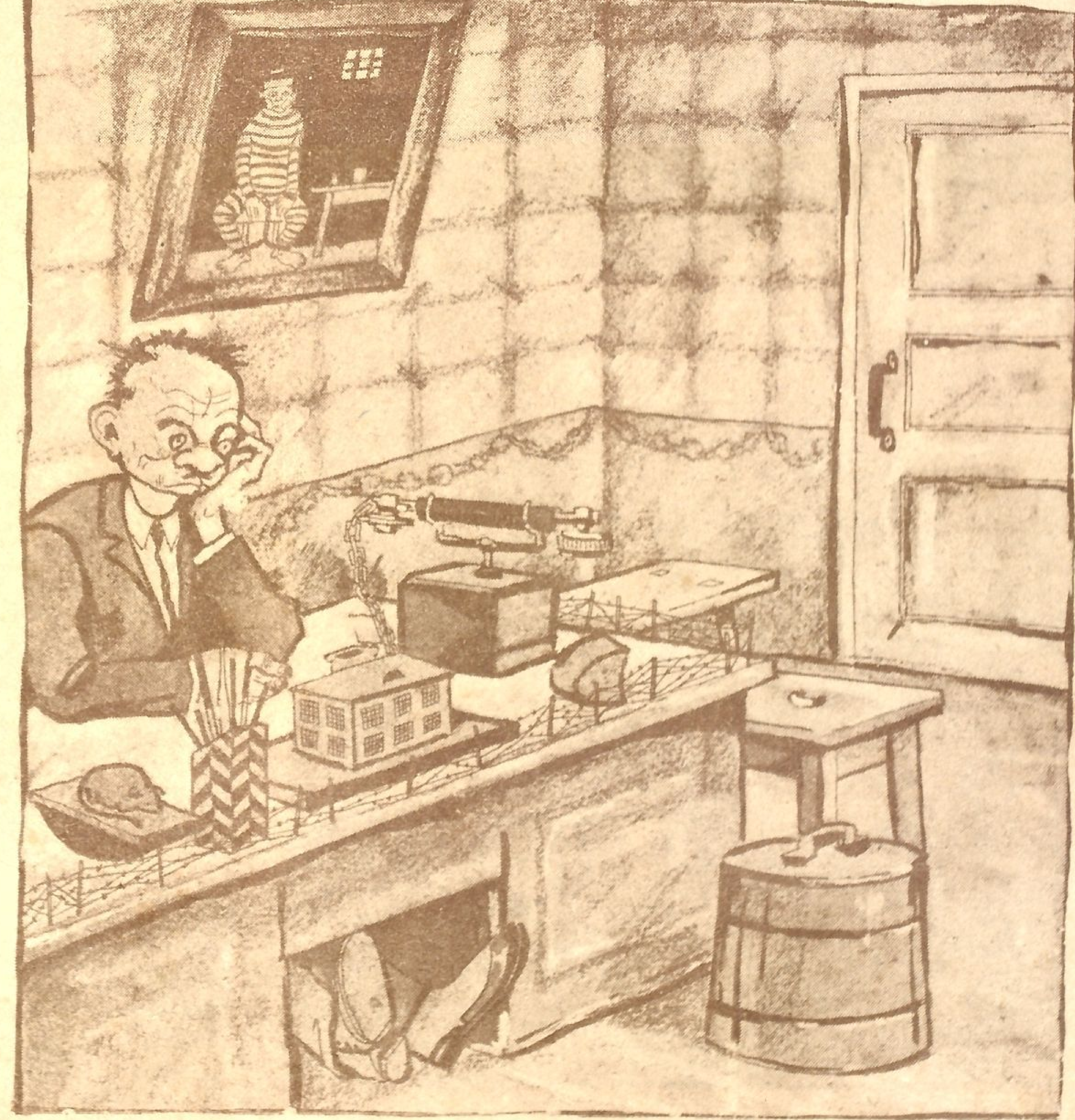
. . . .

Глупого человека разве поставят управлять трестом!

С. Бакланов.

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

Рис. М. Храпковского *(НАШ ПРОЕКТ)*

Вот как нужно обставить кабинет торгового деятеля, чтобы навести этого деятеля на мысль о снижении цен.

ПОГОВОРКА КСТАТИ

(ПРОИСШЕСТВИЕ В НАРПИТОВСКОЙ СТОЛОВОЙ).

Рис. В. Белкина

— НА ВКУС...

— НА ЦВЕТ...

— ТОВАРИЩЕЙ НЕТ!

Откуда же им быть? Попробовали раз—и дома обедают.

ЧУДАКИ

В прошлом году жизнь Ивана Васильевича одно время потекла как-то ненормально: недели две Иван Васильевич не ходил ни на какие учеты-переучеты, не добывал удостоверений и даже не заполнял анкет. В результате такой неорганизованной жизни Иван Васильевич переработал на сдельщине свыше какого-то установленного предела 47 рублей и был в текущем году обложен фининспектором на 9 руб. 23 копейки.

Получив повестку, он бодро отправился в свой районный совет. Сгорая желанием внести поскорее требуемую сумму в советскую кассу и тем самым усилить средства, потребные для строительства светлого будущего, Иван Васильевич не взошел, а прямо взлетел на верхний этаж, где, по наведенной справке, помещался районный финотдел.

Кассу с собачьим окошечком и подписью над ним «здесь принимается уплата подоходного налога» найти было нетрудно, и Иван Васильевич весьма сознательно встал в небольшую, но достаточно унылую очередь. Очередь, однако, подвигалась довольно быстро, и не прошло и часу, как Иван Васильевич подал в окошечко повестку и деньги.

— Вот получите, пожалуйста, с меня...

— Необходимо, товарищ, заполнить платежное об'явление. Комната 43. Следующий!

Иван Васильевич усмехнулся: «Ну и простофиля же я, чего же это я не заполнил платежного об'явления», и пошел разыскивать комнату 43. Отыскав человека, который знал, где именно находится комната № 43, Иван Васильевич отыскал и самую комнату, которая ради удобства помещалась в самом нижнем этаже.

В углу налево две прокуренные девицы за столом продавали целыми штабелями бланки и анкеты.

— Вам платежное об'явление? Внесите 10 копеек...

Иван Васильевич покорно достал два пятака и получил за них крохотный талончик.

— А где же об'явление?

— Об'явление вы получите напротив.

В углу напротив стоял другой стол, и сидела за ним другая не менее прокуренная девица. Перед девицей стояла безропотная очередь, к которой примкнул и Иван Васильевич. Девица быстро заполняла бланки, и не прошло и часу, как пришел черед заполнять бланк Ивана Васильевича. Выспросив кое-что о классовой принадлежности предков Ивана Васильевича, о его времяпрепровождении до февральской революции, девица, заполнив бланк в нескольких экземплярах и приколов булавкой образовавшуюся «переписку», направила Ивана Васильевича в контроль, который ради удобства помещался совсем на другом этаже.

Иван Васильевич начинал понимать, что затеянное им предприятие—весьма чревато, но отступать было поздно. Его уже разобрал спортивный азарт, развившийся за последние десять лет, состоящих сплошь из преодоления подобных препятствий.

В контроле Ивану Васильевичу сказали, что ему надо обратиться «совсем не сюда, а к товарищу Тарарашину». Найдя человека, который точно знал местоположение тов. Тарарашина, Иван Васильевич отыскал на верхнем этаже вышеназванного работника. Постояв в очереди у Тарарашина, Иван Васильевич был переброшен к самому заву.

— Вы в наших списках почему-то не значитесь, и мы можем принять деньги только для перевода в ваш участок.

— Мне все равно теперь... Только возьмите, пожалуйста, а там уж переводите их, как хотите,—согласился Иван Васильевич, чувствуя некоторое истощение сил.

Вернувшись с благоприятной резолюцией к тов. Тарарашину, Иван Васильевич дождался заполнения своих платежных и переводных об'явлений и с трепетным сердцем направился в кассу, где он когда-то так доверчиво стоял в очереди.

«Если и тут будет неудача, плюну и уйду»—думал обессиленный Иван Васильевич.

Но неудачи уже не было, очередь двигалась быстро, и не прошло и часу, как касса бесперебойно приняла документы и деньги. У Ивана Васильевича, как говорится, вырвался вздох облегчения. Деньги внесены на строительство светлого будущего, но Иван Васильевич отлично понимал, что кроме строительства будущего существует и строительство настоящего, почему и попросил квитанцию, с которой он обязан явиться для отметки к одному из строителей настоящего, а именно к фининспектору.

— Квитанцию вы, гражданин, получите в коридоре. Обождите там, минут через 20 вас вызовут.

В душном коридоре ожидало не мало других, не менее удачливых Иван Васильевичей. Все они уже внесли деньги и чувствовали себя победителями, почему и вели непринужденный разговор, радуясь преодолению столь многочисленных препятствий.

— Все-таки, понимаете ли, добрался до корня—отдал свои деньги,—рассказывал один из Иван Васильевичей.—Ох, упрел!..

— Об'ясните все-таки мне, товарищи,—спросил Иван Васильевич,—говорят, что волокита у нас от бедности, что трудно без волокиты разделить, скажем, 1 пару сапог на 100 человек. Это, может быть, действительно трудно, но ведь я же ничего не прошу, а наоборот, свои деньги отдаю! На квартиру бы за ними надо было ко мне притти. А тут валандайся по этажам! Кто же для кого—массы для учреждений или учреждения для масс? Чьим интересам должна отвечать постановка дела—интересам учреждения или интересам масс?

— Конечно, интересам масс, дорогой товарищ,—сказал один, повидимому, очень умный старичок.—Постановка дела во всех наших учреждениях соответствует именно интересам масс, ибо не забывайте главного: массы—это сотрудники наших бесчисленных учреждений, и если в учреждениях завести порядок, отвечающий интересам клиентов, то три четверти сотрудников придется выгнать, а так как сотрудников больше, чем клиентов, то интересы масс явно пострадают. Поняли?

Иван Васильевич сразу не понял, так как в этот момент его вызвали за получением квитанции. Но придя домой—все понял! И считает, что подобный порядок хорош хотя бы тем, что гарантирует вполне от приработка свыше установленного предела, что в свою очередь позволяет вести более спокойный образ жизни, до которого Иван Васильевич стал теперь большой охотник.

Е. Каменьщиков.

КОНКУРС „КРОКОДИЛА“

БЕРУТ...

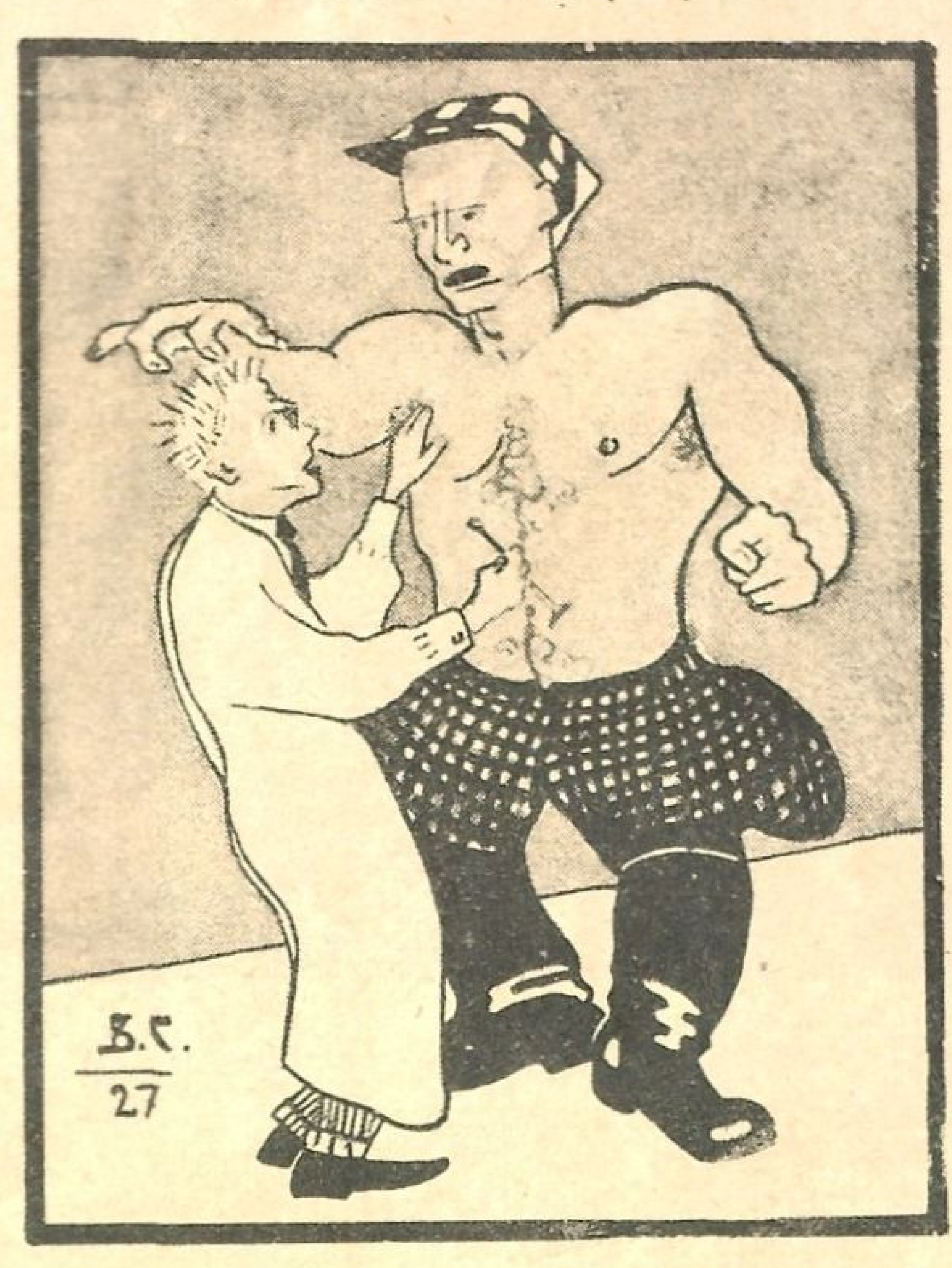
Рис. Г. Станиславюк (Н. Новгород)

— Берет ваш зав продукты?
— Нет, сам не берет, а больше присылает записку за ними

У ВРАЧА

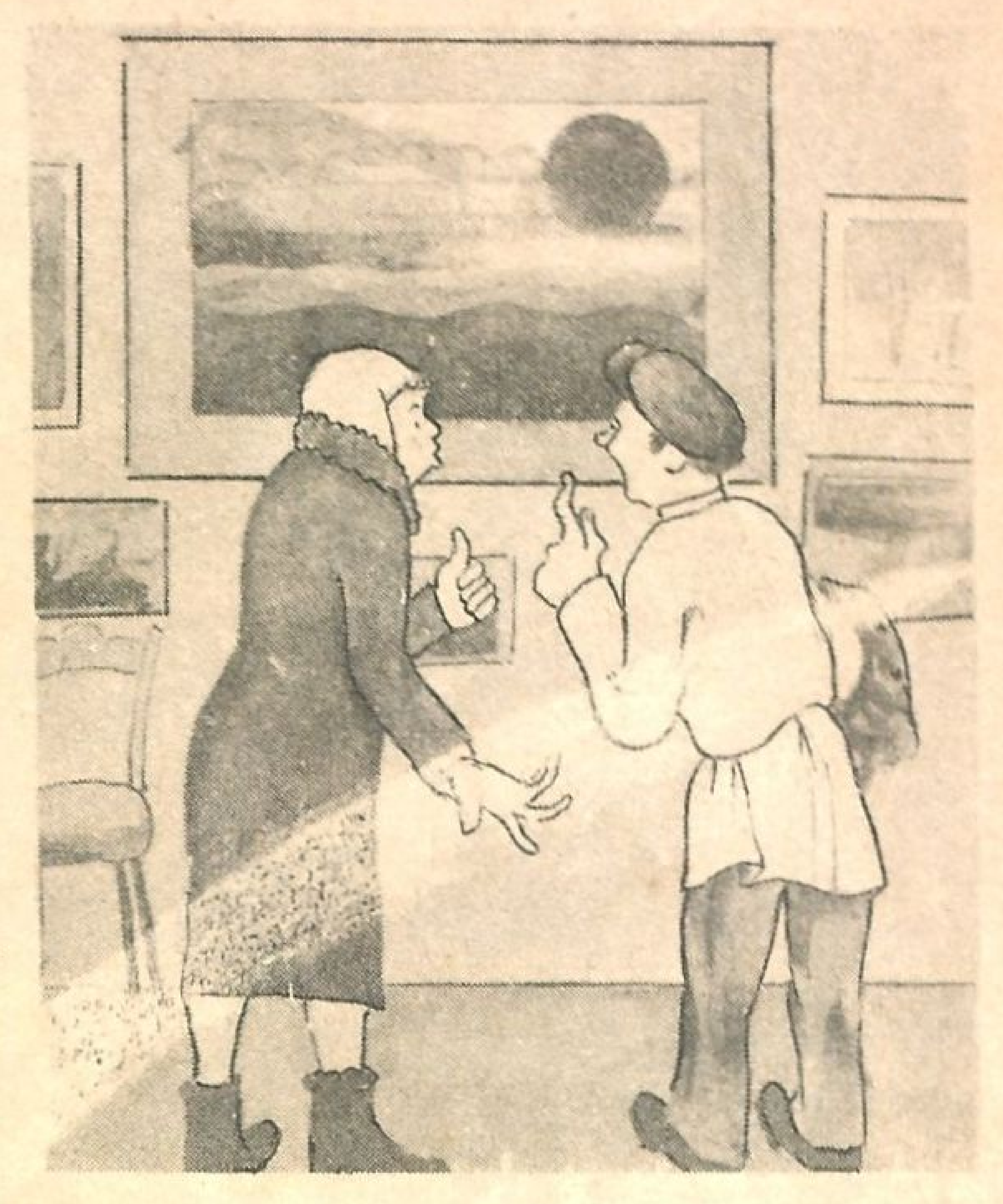
Рис. Мыткин-Савельева В. В. (Богородск.)

— Что-о? Здоров? Отпуска по болезни не хочешь дать? Ну так ты сам его получишь!

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Рис. т. Ефремова (Киев)

— А вот и море!
— Море?
— Да. Прикрой глаза и посмотри,— через пять минут оно начинает качаться.
— Нет, лучше пойдем дальше, а то я морской болезни боюсь.

„НЕДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ“

Рис. Рогова (Владимир)

Его Величество
БЮРОКРАТ—ПОСЛЕДНИЙ.

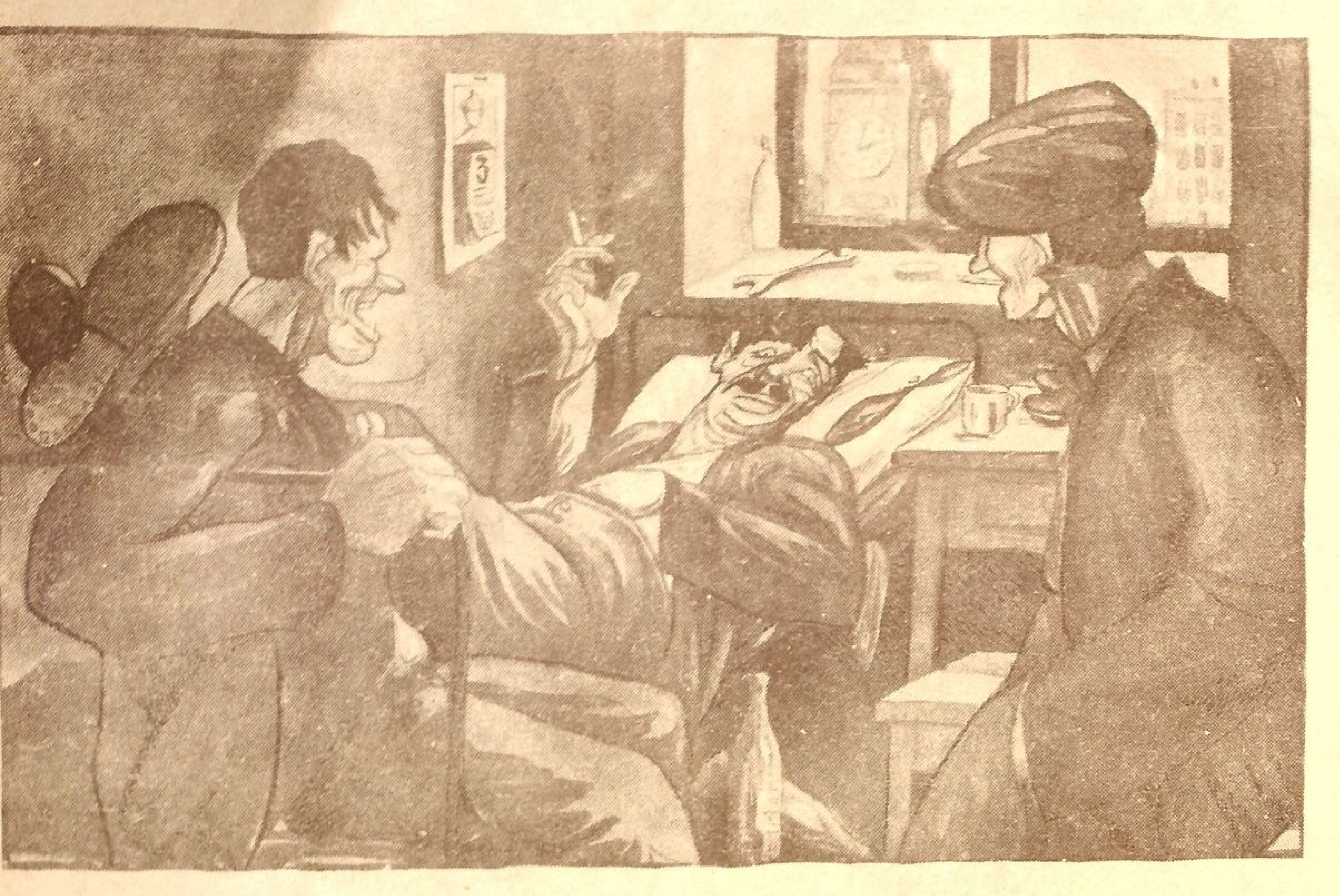
Рис. Г. Станиславюк (Н. Новгород)

В БЮРОКРАТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ

Рис. В. Белкина

ЛЮБИТЕЛЬ ФОРДИЗМА

— Ох, ребята! Вот у Форда работают! Каждая минута на учете — красота! Уважаю Америку!

— А чего ж ты на завод не идешь, валяешься?

— Да сейчас в Америке—самая глухая ночь. Вот я и стараюсь жить по-американски!

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Мне очень хотелось купить усовершенствованный регенеративный радио-приемник. Однако я его не купил и не куплю. Не то, чтоб у меня не хватало денег: нет, тут виноваты совсем другие обстоятельства.

Третьего дня моя жена, домашняя хозяйка, с утра в срочном порядке откомандировалась к сестре, разрешавшейся от бремени. Мне был оставлен подробный наказ:

— На работу уж ты сегодня не пойдешь, будешь дома сидеть с Маруськой. Сейчас она попьет чаю, а в одиннадцать часов не забудь дать ей молока с булкой: ребенку нельзя не евши сидеть до обеда... Молоко и булка у нас есть. В два или в половине третьего пообедайте. На обед у нас ничего нет,—ты купи чего-нибудь в угловом кооперативе, и так, чтобы на ужин тоже хватило. Рубля на два купи. Можешь яичницу сделать на примусе, еще что-нибудь: не беда, если один раз поедите всухомятку!.. Часов в семь, если я не вернусь, не забудь дать Маруське поужинать. Сумеешь все это сделать?

Я обещал выполнить наказ в точности и с блестящим успехом.

До двух часов все шло в полном соответствии с предначертанным планом. В начале третьего я усадил Маруську на стул, предложил ей не выходить из состояния неподвижности до моего возвращения, запер комнату и пошел в угловой кооператив.

В десятом часу вечера я вернулся домой с покупками и... Нет, извиняюсь: дело в том, что угловой кооператив оказался закрытым на обед с 2 до 3, и я, подождав на улице с полчаса, решил сбегать на минутку домой—проведать Маруську.

Маруська была в полном порядке, если не считать того, что она ревела на всю квартиру, потому что перед самым моим приходом свалила с полки себе на голову первый том «Капитала» и пять томов Большой Советской Энциклопедии. Но в этом была не моя вина, а ее собственная. Я опять усадил ее на стул, запер комнату, пошел в угловой кооператив и стал в покупательскую очередь.

Когда очередь дошла до меня, продавец с недоумением посмотрел на мои руки и спросил:

— А ваш чек, гражданин?

Чека у меня не было. Продавец резко поставил мне на вид, что я должен был бы знать порядки, а между тем не знаю их, чем и задерживаю как его, так и покупателей. Стоявшие за мной покупатели подтвердили справедливость его слов и предложили мне не прикидываться дураком, а стать в кассовую очередь, как делают все.

Я стал в кассовую очередь. В конце концов постоять лишние двадцать-тридцать минут было не трудно, но затруднительным было вот что: на какую сумму взять чек, когда я еще не придумал, что нужно купить, и не имею точного представления о ценах?

Из этого затруднения мне удалось выйти путем такого расчета:

— Жена говорила, чтоб я купил рубля на два. Но, принимая во внимание снижение цен на десять процентов...

Я заплатил рубль восемьдесят, взял чек и стал в покупательскую очередь.

Простоять мне пришлось довольно долго, потому что продавца кто-то два раза отзывал в сторону для переговоров о повестке дня предстоящего общего собрания служащих кооператива, а один раз он ушел куда-то минут на десять по собственной инициативе. В конце концов, однако, я достоялся, пред'явил чек и потребовал:

— Два десятка яиц, пол-кило колбасы вареной (чтобы хватило на ужин), ветчины четверть кило, четверть кило сливочного масла, один батон и коробку вон тех папирос!

Я не буду описывать презрения и негодования, отразившихся на лице продавца, и воздержусь от дословной передачи последовавшего разговора: это было бы слишком длинно. Скажу коротко: мне было поставлено на вид, что только идиоты или нахалы берут чек на рубль восемьдесят, когда закупают на четыре рубля,—и предложено взять чек, соответствующий стоимости покупки.

Я стал в кассовую очередь. Простоять в ней мне пришлось довольно долго, потому что кассирша только-что сдала дневную выручку, а в вечерней выручке не хватало мелочи для сдачи, но в конце концов я достоялся, получил чек на четыре рубля, стал в покупательскую очередь, достоялся, показал чек и потребовал:

— Яиц два десятка, колбасы вареной полкило, ветчины...

— Сей минуту,—сказал продавец.—Видите ли, гражданин: регенеративный приемник я бы вам для начала отсоветовал. Начинающему радио-любителю не стоит сразу с ним связываться: и настроиться не сумеете, и чистоты звука не получите. А поставьте вы лучше...

Я удивился и перебил:

— Откуда вы знаете, что я собирался купить регенеративный приемник?

— Извиняюсь,—сказал продавец,—но я не с вами, гражданин, разговариваю, а вот с ними-с! Они, оказывается, радио-любители, а я тоже по этой части соображаю. Извиняюсь,—одну минутку...

Разговор о радио-приемниках, из которого я почерпнул много полезных сведений и в котором тоже принял участие, продолжался не более четверти часа, так что о нем я упоминаю только так себе, вскользь. Закончив разговор, продавец завернул мне все, что я требовал, прикинул на счетах (пришлось подождать, потому что счеты были заняты другим продавцом) и сказал:

— Четыре рубля семь копеечек! На семь копеечек будьте добры взять добавочный чек.

Я стал в кассовую очередь...

В конце концов около девяти часов вечера (магазин торговал до одиннадцати) мне выдали мою покупку, и я пошел домой.

Отпирать дверь моей комнаты мне не понадобилось: она была взломана жильцами, не выдержавшими отчаянных воплей Маруськи.

В комнате я застал дикий беспорядок и толпу жильцов. Маруська пронзительно кричала: может быть, от голода, а может быть—оттого, что свалила на себя горшок с фикусом и оттого, что ответственный с'емщик наступил ей на ногу. Готовить обед мне было не на чем, потому что примус кто-то украл, захватив его, повидимому, вместе со швейной машинкой моей жены. Но возможно, что швейную машинку украли независимо от примуса: почем я знаю?

Обед впрочем мне и некогда было готовить, потому что меня повели в отделение милиции: за преступно-небрежное обращение с ребенком и для того, чтобы заявить о невозможности совместного со мною сожительства.

Пишу я все это, сидя в милиции: надзиратель чем-то занят, и приходится ждать. А написать, собственно говоря, я вот что хочу: не желаю я покупать регенеративный радио-приемник!

Не потому, что меня отговорил продавец из углового кооператива. Нет. А просто так... Лучше я сам его сделаю. Обойдется, может-быть, дороже, но зато—никаких хлопот.

Никита Крышкин.

НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Ежели у зама есть дама — бери ее в штат, чтобы не было трат.

★

Человек заседает, а костюм пропадает: месяц стукнет—смотришь, и брюк нет.

★

В циркуляре—три листа, в листах—темнота. Сломаешь мозги—не видно ни зги.

★

В отчете—рубли, а в кассе—нули.

★

В Москве—культура, а в клубе—халтура.

★

Книжных новинок—полон рынок. А сядешь вечером—читать нечего.

★

Для всякой ревизии—готовь провизии.

Вас. Л.-К.

ТОВАРИЩЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

В наше время товарищескую поддержку и взаимную помощь приходится наблюдать довольно часто. Не позже, чем вчера, в одном из переулков нашего города я был свидетелем проявления чувства высокой братской солидарности. Два обывателя вели между собой такую беседу:

— Жить, Ваня, нужно сообща, дружно...

— Это—действительно! Без взаимной товарищеской поддержки теперь и шагу не сделаешь. Ты, Митя, меня поддержи...

И Митя тут же поддержал товарища, без чего тот и в самом деле не сумел бы сделать и одного шагу, так как еле-еле держался на ногах.

Лука Наждачный.

С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

Рис. Ю. Ганфа

АДМИНИСТРАТОР:— Опять поднимут бузу—зачем я на заводской лошади раз'езжаю... Ну, да наплевать, не боюсь: я, все-таки, человек с весом...

ЛОШАДЬ: — Хоть бы прописали в газетах, что он на заводской лошади раз'езжает... Человек-то, ведь, ох, с весом!..

Рис. Ю. Ганфа

Некогда Христофор Колумб открыл Америку... Ничего, кроме неприятностей, от этого не нажил, был заточен в темницу и впоследствии умер в нищете. Это было в самом конце мрачного средневековья... *(см. внизу).*

ВИЛЫ В БОК

ВСЕ ПО НОРМЕ

В.-волоцкая газета «Наш Край» (№ 30) в заметке «Население СССР» пишет:

> Общая цифра населения Союза—около 143½ миллионов человек. Это почти на 8 миллионов человек больше **довоенной нормы.**

— Вот редакция, о которой не скажешь, что она—не-нормальная, у нее все по норме.

НЕЛЬЗЯ ЖЕ ДО БЕСЧУВСТВИЯ!

В газете «Рабочий Край» мы нашли в ряде номеров такие странности:

> ... 30 февраля состоялось заседание нового правления ИвГУМ'а...
>
> ... В 1822 году болезнь снова вырывает тов. Зимина из рядов бойцов.

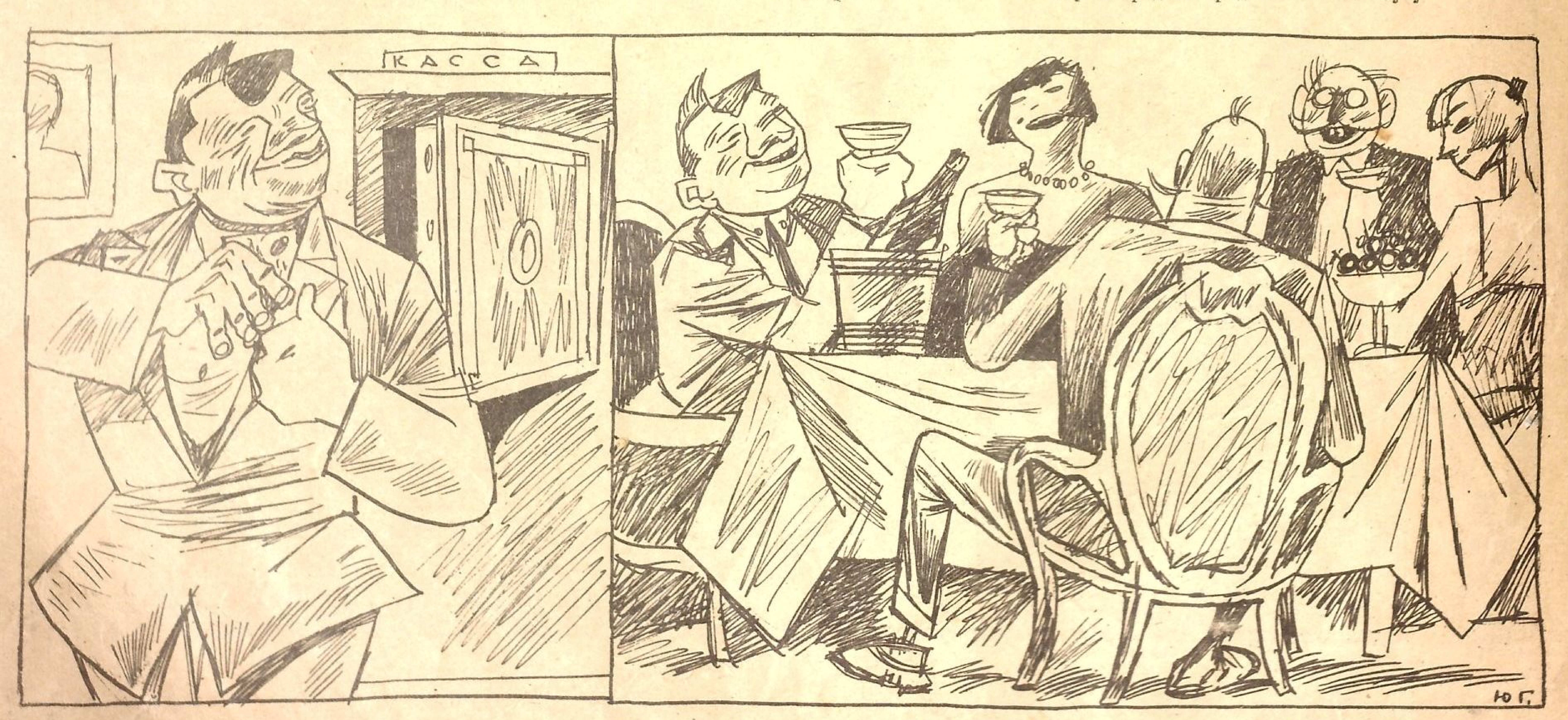
А если к этому еще прибавить, что газета называет в заметке «На самолете в Вичугу» кабинку аэроплана—кабинеткой, то неблагополучие в редакторском кабинете обозначится в полной степени. Что с вами, дорогие товарищи?

КАЗЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В оренбургской газете «Смычка» начальник ГАО тов. Горбунов описывает доблести подведомственной ему милиции:

> Наша уголовная и наружная милиция на высоте положения. Недаром мы имеем ряд хороших отзывов по специальной линии...

А в отделе «Происшествия» в той же газете мы нашли уйму заметок под заглавием: «Крупная кража», «Взял на хомут», «Конокрадство», «Обокрали гробовщика», «Грабеж», «Налет» и т. д. Не хвастайтесь, тов. Горбунов, а то вы получите по специальной линии такой «отзыв», который вряд ли придется вам по вкусу.

Совсем не то теперь, товарищи! Теперь какой-нибудь Христофор Иваныч Колумбов откроет .. кассу... И вовсе не собирается заточаться, а тем более умирать в бедности. Таков прогресс...

САМ ЗАПУТАЛСЯ

В газете «Советская Сибирь» от 19 февраля в «Столичных мелочах» читаем:

> На городском корпусе находятся два барометра—один у ОМХ'а показывает 10 град. ниже ноля, другой у Сибмедторга, показывающий 10 градусов выше ноля. Несведующему человеку трудно разобраться, который из них правильный.

У нас, в редакции «барометр» прекрасный. Когда «Крокодил» читал эту заметку, барометр показывал «туман»... в голове фельетониста «Советской Сибири».

С НОВОСЕЛЬЕМ!

Пишут из Вытегры, Ленинградской губернии:

> Заведующий отделом местного хозяйства Соляков, имея свой домик, переделал муниципализированный дом на средства местхоза и... переселился в него сам, не считаясь с тем, что многие граждане нуждаются в жилплощади.

Человек, не жалея своих сил, на откомхозовские денежки домик для себя переделал. Это ли не радость! Надо бы РКИ по этому случаю поздравить Солякова с новосельем.

ВЫ ЛИ ЭТО?

Кимрские граждане рассказывают такие вещи:

> Заведующий базскладом Центроспирта Хоханов явился в магазин № 162 пьяным и набросился с матерной бранью на продавцов за то, что около электролампы заметил паутину. От такого наскока сотрудники выли, как волки, но сделать ничего не смогли, так как зав говорит: всю сволочь вычищу, покуда служу заведующим.

Не сплетничают ли здесь? Не верит «Крокодил».

Чтобы сотрудники выли, вы ли, тов. Хоханов, там были?

ВОТ ЭТО — „СОВЕТ"!

В поселке Магдагачи, Зейского округа, сельсовет занимается, судя по протоколу от 22-го октября 1926 г., такими делами:

> **6. СЛУШАЛИ: заявление предсельсовета о разрешении быть ему скупщиком пушнины.**
>
> **ПОСТАНОВИЛИ: разрешить.**
>
> **7. СЛУШАЛИ: заявление раз'ездного священника Мещерякова о разрешении ему совершения божественной литургии.**
>
> **ПОСТАНОВИЛИ: разрешить. На собрание верующих послать от сельсовета членов сельсовета т.т. Кугушкова, Фимкина и Скурыдину.**

Дело поставлено замечательно: предсельсовета кулачит, а Фимкин с товарищами с мандатом от совета вполне официально замаливает на божественной литургии председательские грехи. Интересно бы узнать, как вся эта «пушнина» пролезла в совет?

ПОЙДИ—ПРОЙМИ

О силе и могуществе провинциальной печати свидетельствует следующее письмо из Петропавловска, Акмолинской области:

> Сотрудники редакции «Степная Звезда» в 25 году через свой местком коллективно заготовляли дрова и деньги внесли полностью, но вот уже второй год нет ни дров, ни денег, и даже неизвестно, будут ли они когда-нибудь вообще. Дело будто бы передано в суд но последний тоже спит.
>
> **Пострадавший.**

Газета вопит, надрывается, а петропавловские чиновники—ноль внимания. «Подайте заявление, зарегистрируем, разберем со временем, нельзя же сразу!».

ВЛАСТЬ КАПИТАЛА

В семейном счастьи проживают Ковалевы—вечером «тили-тили» как канареечки, однако, и на их семейном счастьи власть капитала отражается.

Захожу я к Ковалевым. Мишка—ручки в брючки, папиросой высокой дымит, как Везувий, на личности у Мишки—ну прямо Наполеон.

Аничка, Мишкина супруга, примус только-что развела, на примусе—чайник.

Чуть завидел меня Мишка—еще больше фасону:

— Скоро ты, Анька?

— Опасно, Мишенька, сильно накачивать, сам видишь—пыхает, не обошелся еще.

— Ну, ты, подстегни свой примус.

И фасон, фасон:

— Вам, бабам, только и делов, что с примусами да с кастрюлями.

Аничка молчит.

Захожу я другой раз, через месяц, к Ковалевым.

Мишка тихонький, в уголке цыгаркой махорочной в рукав дымит, Аничка носится словно паровоз, гремит кастрюлями.

Как завидела меня:

— Полюбуйтесь-ка, — гаркнула, — полюбуйтесь-ка на своего дружка: дурака полоумного. Распустил он язык до небес и вот—сокращен без последствий. Ах, я намучилась, ах, настрадалась, покуда в уборщицы не приткнулась. Теперь его, идиота, подкармливать приходится, на одном ведь пособии полоумный сидит...

Замечаете—какая власть капитала.

С. Бакланов

БЕЗ ВЕРЫ НЕВОЗМОЖНО УГОДИТЬ ЖЕНЕ

Нелегко живется прокурору Митрофанову в г. Алексинске:

> В 1921 г. тов. Митрофанов, желая сочетаться узами церковного брака, вышел из партии. В 1926 г.—восстановился, но 12 декабря в местном Спасском соборе крестил своего сына Олега, и теперь снова возникает вопрос о пребывании Митрофанова в партии, впрочем местные партийцы смотрят на это довольно благодушно.

Еще благодушнее, вероятно, взирает на свое стадо соборный поп. Приятно ему иметь в стаде такую овцу, как окружной прокурор. Небось, мечтает лукавый батько отслужить молебен с водосвятием и в местной контрольной комиссии. Немудрено, что и отслужит!

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Не так страшны бюрократы, как бюрократики. Бюрократики неисчислимы, как песок морской. И этот песок можно обнаружить в любой части нашей государственной машины. Вот одна из песчинок, затрудняющих работу государственного механизма.

> Десять раз писали в стенгазете про нашего заправилу в Покровском горсовете, тов. Дубкова. Один раз писали в «Нашей Газете», да не помогает, и Дубков разводит волокиту, неправильно сократив уборщицу, из-за чего возникло большое «дело» и предстоят лишние расходы. Осади Дубкова хоть ты, товарищ «Крокодил!».

Вилами еще можно ткнуть, но осадить Дубкова не беремся, хоть он и Дубков, но все же не лошадь и не осел! Впрочем, если мы ошибаемся, пришлите дополнительные сведения.

ДОСТОЙНЫЕ НА ВЫСТАВКУ

На Октябрьском руднике (Криворожье) из-за нераспорядительности экспедитора Данишевского увеличиваются простои вагонов. Несмотря на это, экспедиторам ежемесячно платят премию в 250 руб. По этому поводу рудоуправление пишет:

> **Рудничному комитету.**
>
> Сообщаем, что премия работникам экспедиции установлена потому, что у них не было достижений, и если после этого не будет достижений, то тогда премия будет снята.
>
> Пом. управ. группой по техн. части Марьяшов.

Рабкор спрашивает: «куда послать нашу администрацию, чтобы она еще получила бы «премию», на конкурс бесхозяйственников, что ли?».

— Не на конкурс, дорогой товарищ, а на «выставку».

РЕДАКЦИОННАЯ ПОПРАВКА

Рис. К. Елисеева

ДЬЯКОН *(возглашает)*: — О плавающих, путешествующих...

СТАРУШКА:—Кстати, отец, и о ходящих по учреждениям помолись. Третий месяц за справкой странствую!

Издательство „Рабочей Газеты"—Москва, Тверская, 3.

Ответственный редактор К. МАЛЬЦЕВ

Главлит № 81816.

Типография «Рабочей Газеты», Сущевский вал, д. № 63.

Тираж 175 000

НЕСМЕТНЫЕ РАСХОДЫ

Рис. Ив. Малютина

На местах и без того скудные средства нередко расходуются на внешние украшения: арки, памятники и прочее.

УЧИТЕЛЬ: — Для кого это вы, братцы, такую красивую штуку строите?
ПЛОТНИК: — А говорят, вишь, комиссия по изучению школьных нужд приедет.
УЧИТЕЛЬ: — А-а... Вот когда кончите — может гвоздочка три останется... А то у меня в школе пол провалился, — неудобно.